

УДК 320.01

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ЭТНОФЕДЕРАЦИЙ

М.Х. Фарукишин

Аннотация

В статье рассматриваются три основных типа этнофедераций: моноэтнический, биэтнический и полиэтнический. Выделяются их отличительные черты, характеризуется степень относительной стабильности или нестабильности этнофедераций, принадлежащих к разным типам.

Ключевые слова: федерация, субъекты федерации, этничность, этническая идентичность, этнофедерация, моноэтническая федерация, биэтническая федерация, полиэтническая федерация, государствообразующая нация, этнические меньшинства, этнополитические конфликты.

Важнейшей проблемой этнополитологии является исследование влияния этнического фактора на организацию государственной власти. Значимость этой проблемы подчеркивается тем, что, по некоторым данным, только в 10% всех государств в пределах их границ проживает лишь одна этническая группа (см. [1, с. 54]). По другим сведениям, только дюжину государств, в которых проживает меньше 0.5% населения, можно считать моноэтническими (см. [2, р. 1]). В этом плане возрастает значимость федеративной формы государственного устройства как инструмента, позволяющего отразить все многообразие полиэтнического общества. Не случайно в политологической литературе было высказано мнение, что выдвижение тематики федерализма на центральное место с окончанием «холодной войны» обязано возрождению этнической напряженности и поискам того, как лучше организовать этнорегиональные общины (см. [3, р. 1]). Разумеется, все это не означает, что единственной государственной формой полиэтнического общества может быть только федерация.

Отношение к этнофедерациям в политической науке остается исключительно противоречивым, так же как и к самой этничности. «Этничность часто демонизируется как опасная и деструктивная сила. Если конструктивные этнополитические альтернативы игнорируются, ошибочное понимание этнических интересов может стать самореализующимся пророчеством» [4, р. 37].

Построение федерации с учетом полиэтнического характера общества требует выяснения, в чем преимущества и в чем недостатки так называемого этнофедерализма. Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, прежде всего потому, что существуют серьезные различия между самими многонациональными обществами с федеративной формой государственного устройства.

Как показывает общественно-историческая практика, и в полиэтническом обществе возможно создание федерации без отражения в ее структуре этнического фактора. В зарубежной науке такие федерации получили название мононациональных федераций. При этом допускается разграничение понятий «этнического» и «национального»: последнее понимается как общенациональное, общегосударственное, охватывающее все этнические группы. Классическим примером такой федерации называют Соединенные Штаты Америки. Объективно это, несомненно, страна, состоящая из многих этнических и расовых групп. Но в структуре ее федеративного устройства нет и следа учета этнического фактора ни с точки зрения принципов образования субъектов федерации – штатов, ни с точки зрения какого-либо институционального представительства специфических интересов этнических или расовых групп. И объясняется это в первую очередь историческими условиями происхождения американского государства¹. В настоящее время, как отмечается в литературе, «американский федерализм ставится в США под сомнение за его неспособность гарантировать представительство в законодательных органах штатов и в Конгрессе США слабо представленных групп меньшинств, таких, как афроамериканцы» [5, р. 295].

Наиболее уязвимой считается федерация в обществе, состоящем из двух основных этнических групп при наличии между ними сильных противоречий. Это так называемые биэтнические федерации. Один из зарубежных исследователей на основе своего обзора неудач полиэтнических федераций сделал вывод: «По-видимому, особенно хрупкими оказались федерации в биэтнических, или бинациональных, или бирегionalных государствах» [6, р. 284]. В литературе указывалось и на причины неустойчивости этих федераций: «В настоящий момент федерации, состоящие из двух частей, более уязвимы, чем другие федерации, потому что у них меньше возможностей для коалиций, уменьшающих напряженность, и они не могут воспользоваться преимуществами постоянно меняющихся территориальных альянсов» (см. [1, с. 41]). «Потенциальная нестабильность биобщинных государств проистекает из недостаточных возможностей у групп изменить их отношения путем изменения союзов и коалиций; в частности, неспособность группы меньшинства усилить свою позицию в разделении полномочий с третьей группой может вызвать чувство сильной обиды» [7, р. 89].

При этом следует учитывать, что биполярные федерации бывают разные. Идеальным случаем является численное равенство двух этнических групп, на которые разделено общество с федеративной формой государственного устройства, и их взаимное согласие с существующей системой. В этом случае было бы легче предусмотреть взаимные гарантии равного статуса и добиваться решения многообразных вопросов на основе политического консенсуса. При другой разновидности биполярной федерации одна из двух этнических групп обладает перевесом в численности и не только. Опасность для целостности федеративного государства возникает здесь в том случае, если доминирующая

¹ Кстати, интересен такой исторический факт. В 30-х и 60-х годах прошлого столетия предлагалось сформировать мультиэтнический федерализм и в Соединенных Штатах Америки путем создания негритянского штата на юге США. С тех пор эта идея больше не обсуждается, главным образом из-за миграции негритянского населения в северные города страны.

этническая группа будет требовать для себя особых прав и привилегий. Тогда меньшинство будет нуждаться в специальной защите своих прав.

Наиболее яркими примерами биэтнического общества считаются Канада и Бельгия. В первом случае характерными чертами являются территориальная концентрация этнокультурной группы в пределах границ провинции (Квебек); этническая биполяризация, выражающаяся в том, что одним из полюсов поляризации является франкофонское меньшинство, которое концентрируется на одной территории; институционализация конфликта, поскольку правительства Квебека около 50 лет назад, и особенно после 1960 г., взяли на себя ответственность по защите франкофонского большинства (в провинции Квебек) (см. об этом подробнее [8, р. 4–6]). Канада пошла по пути введения определенных институциональных элементов, обеспечивающих защиту этнического меньшинства, в том числе и таких элементов, которые усиливают асимметрию. При этом конструкция канадского федерализма непрерывно совершенствуется, вследствие чего канадский федерализм заслужил в политической науке репутацию «пантеона политических экспериментов». «Федеративный опыт Канады, – пишет Колин Вильямс, – предлагает захватывающее проникновение в способ, которым политические силы приспособливают широкое разнообразие различных интересов и требований, периодически ставящих под вопрос все политическое здание, основанное на консосиативном федерализме. Можно было бы утверждать, что национальный спорт Канады – это не профессиональный хоккей на льду, а, скорее, профессиональное конституционное реконструирование» [9, р. 31].

К числу характерных особенностей канадского федерализма относится то, что, хотя, несомненно, существуют противоречия между провинциями, в том числе между англоязычными провинциями и франкоязычной провинцией Квебек, все-таки основное противоречие, затрагивающее этнические интересы, проходит по вертикали – между федеральным правительством и правительством Квебека, и в первую очередь по вопросу о распределении предметов ведения и полномочий. «В течение последних 40 лет руководители Квебека требовали (и обычно получали) полномочия в таких областях, как культура, иммиграция, рабочая сила, международные отношения и экономическое развитие». При этом, чтобы придать своим требованиям легитимность, они подчеркивали лингвистическую и культурную исключительность провинции, создавая в этом процессе особую идентичность. Сопrotивляясь передаче полномочий и защищая мощь и масштабы канадского государства, федеральные элиты ссылались на канадскую идентичность, направленную на преодоление лингвистических и региональных расколов [10, р. 75].

В Бельгии, в отличие от некоторых других федераций, конфликтные межправительственные отношения характерны скорее не для отношений между федеральным центром и субъектами федерации (по вертикали), а для конкурентных отношений между двумя частями страны – Валлонией и Фландрией (по горизонтали) [10, р. 76]. Сожительство двух этнических групп – франкоязычной (валлоны) и голландскоязычной (фламандцы) – отличается напряженностью, противоречиями и даже конфликтами. Фламандцы составляют в Бельгии численно превосходящую этнолингвистическую группу. На их долю при-

ходится 58% населения Бельгии, в то время как валлоны составляют лишь 32% населения страны, а немецкоговорящие бельгийцы насчитывают всего лишь 67 тысяч человек [11, р. 115]. С этим связан перевес фламандцев в Палате представителей, депутаты которой выбираются всем населением в результате прямых выборов. Существенное значение имеет превосходящая экономическая мощь региона компактного проживания фламандцев. Хотя некогда Валлония была индустриальным сердцем Бельгии, упадок в послевоенное время угольной и сталелитейной отраслей промышленности сдвинул в основной массе проведение социально-экономической политики в сторону Фландрии. «В отличие от Валлонии Фландрии не нужно было проходить через мучительную реструктуризацию тяжелой промышленности. Она оказалась более успешной в привлечении прямых иностранных инвестиций и развитии средних предприятий и отраслей обслуживания. Оба фактора значительно усилили политические ресурсы фламандских политических классов» [12, р. 2]. Одним из последствий роста экономического потенциала Фландрии является ежегодная перекачка огромного количества денег из Фландрии в Валлонию, в том числе на цели социального страхования, что вызывает недовольство Фландрии. «Для фламандцев управляемые из федерального центра программы социального обеспечения представляют косвенное субсидирование более бедного региона Валлония» [10, р. 80]. Эти и другие различия в позициях и взаимоотношениях двух этнолингвистических групп создают напряженность в их взаимоотношениях, и ни одна из них не может стать доминирующей по своему статусу в биэтническом обществе, не ставя под угрозу целостность государства. Положение осложняется тем, что отсутствуют общенациональные политические партии и общенациональные средства массовой информации, что стало дополнительным показателем дуализма бельгийского общества (см. [1, с. 43]). По мнению одного зарубежного исследователя Л. Хейзе, «политический ландшафт Бельгии страдает от трех трещин: мировоззренческой (католики против либералов), социально-экономической (противоречие между трудом и капиталом) и языково-политической (фламандцы против валлонов). Однако создается впечатление, что эти три трещины после 1945 г. сливаются в одно русло, из-за чего валлоны и фламандцы рассматривают друг друга как антиподов в мировоззренческой и социально-экономической областях» (цит. по [1, с. 15]).

Политическая культура бельгийского общества отражает этот конфликтный характер взаимоотношений двух этнолингвистических групп. По мнению М. Бургесса, «биполярные отношения между группами говорящих на голландском и французском языках отражает политическая культура, которая является по существу антагонистической, укоренившейся во взаимном политическом недоверии, которому в основном противостоят уравновешивающий вес Брюсселя и существование небольшой немецкоговорящей общины» [11, р. 117].

Тем не менее в бельгийской федерации созданы институциональные условия для защиты валлонского меньшинства на общенациональном уровне и фламандского меньшинства в двуязычном регионе Брюсселя. Для этого предусматривается, что посты государственных чиновников на правах паритета делятся между фламандцами и валлонами на уровне центральных органов управления и органов управления Брюсселя. В Конституции Бельгии закреплено по-

ложение о том, что «за возможным исключением премьер-министра Совет министров состоит в равном количестве из министров, изъясняющихся на французском языке, и министров, изъясняющихся на нидерландском языке» [13, с. 357–358]. Правительство должно получить большинство внутри обеих главных этнолингвистических групп в парламенте. Составленный на паритетных началах Совет министров может принимать решения только при наличии консенсуса. Конституционные поправки, которые затрагивают региональные интересы, требуют не только большинства в две трети голосов в обеих палатах федерального парламента, но и большинства внутри обеих основных этнолингвистических групп в каждой из законодательных палат. Состав Конституционного Суда должен включать равное число судей, говорящих на голландском и французском языках, и один судья должен доказать знание им немецкого языка (см. об этом также [14, р. 76–77]).

Серьезной институциональной гарантией стабильности биполярной федерации является придание всем трем этнолингвистическим общинам, на которые разделена страна, одинаковых полномочий, благодаря которым они могут участвовать в управлении своими делами, особенно в области культуры, и сохранять этническую идентичность. Важным представляется правило «тревожного звонка», которое позволяет каждой лингвистической группе блокировать законопроект, если мотивированной резолюцией, подписанной не менее чем тремя четвертями членов одной из лингвистических групп, объявляется, что положения законопроекта или предложения закона, за исключением законов о бюджете, а также законов, которые принимаются квалифицированным большинством, способны нанести серьезный ущерб отношениям между сообществами. В этом случае парламентская процедура приостанавливается и резолюция передается в Совет министров, который в тридцатидневный срок представляет свое заключение на резолюцию либо законопроект или предложение закона с возможными поправками (ст. 54 Конституции Бельгии). Согласие каждой этнолингвистической группы требуется и при принятии особых *законов большинства*.

Как свидетельствует опыт Бельгии, биполярный федерализм имеет свои достижения и недостатки. Переход от унитарного государства к федеративному и связанный с этим процесс деволюции помогли сдержать острую напряженность между двумя этнолингвистическими группами и обеспечить относительную стабильность государства. Несмотря на передачу больших полномочий регионам и коммунам, население Бельгии в основном готово идентифицировать себя с Бельгией как общенациональным государством.

Однако эти достижения не отменяют слабости бельгийского федерализма. Одна из них заключается в том, что, несмотря на действующие институты федерализма, отношения двух частей страны остаются конфликтогенными и являются потенциально благоприятной почвой для усиления напряженности в их взаимоотношениях и создания опасности разрушения всего федеративного здания. Федерализм, естественно, предполагает передачу решения части вопросов и соответствующих полномочий субъектам федерации. Однако процесс деволюции приобретает в Бельгии довольно интенсивный характер, что ставит

под угрозу само существование федерального центра со своими предметами ведения и полномочиями¹.

Кроме федеративных государств в моно- и биэтнических обществах федеративная форма государственного устройства используется и в полиэтнических обществах, в которых существует несколько этнических групп и которые, естественно, различаются характером межэтнических отношений. Среди них есть федерации, в которых ни одна этническая группа, независимо от ее численности, не играет роль государствообразующей группы. К таким федерациям относится, например, Швейцария. Страна отличается этнолингвистическим многообразием. Здесь четыре признанных языка – немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Официальными языками являются три первых языка. Считается, что 68% граждан Швейцарии говорят на немецком языке, 19% – на французском, 8% – на итальянском и 1% – это граждане, говорящие на ретороманском языке². Несмотря на численное превосходство немецкой этнолингвистической группы, она не является каким-то отдельным государствообразующим народом. Более того, следует учитывать, что говорящее на немецком языке большинство разделено религией и немецкоговорящее население католических кантонов более приучилось к формированию коалиций с так называемыми «латинскими» кантонами – некоторыми кантонами с франкоговорящим населением и Тшино, единственным итаоговорящим кантоном, – чтобы сопротивляться в культурном отношении более сильным и более урбанизированным протестантским кантонам, население которых говорит на немецком языке [11, p. 118].

Как показывает исторический опыт, Швейцарская федерация обладает большой устойчивостью. По мнению некоторых авторов, политическая стабильность и легитимность Швейцарской федерации коренится в различии и разнообразии, то есть в тех самых характеристиках, которые являются источником стрессов и напряжений в Бельгии, Канаде, Индии и Малайзии. «Ясно, – пишет М. Бургесс, – что ее (Швейцарской федерации. – М.Ф.) особую форму федеративного единства можно приписать сочетанию федеративной политической системы и стремящейся к консенсусу политической культуры, которая исторически коренится в пропорциональности, плюрализме, широко простирающихся консультациях, примирении и переговорах, представительстве меньшинств, во всем, что, соответственно, заключено в “политике компромисса”» [11, p. 120].

Для такого рода федераций исключительно важное значение имеет представительство этнических групп в федеральных органах власти, поскольку коренным признаком любой федерации является разграничение предметов ведения и полномочий. И здесь, как показывает отечественная и зарубежная практика, возможны два варианта: прямой и косвенный. В первом случае этнические группы через соответствующих представителей непосредственно представлены сами, именно как этнические группы. При косвенном представительстве бывают представлены не этнические группы, а субъекты федерации, то

¹ Подробнее о достижениях и слабостях бельгийского федерализма см. [12, p. 13–17].

² В литературе приводятся и несколько другие данные: швейцарцы, говорящие на немецком языке, составляют 75% населения страны, на французском – 20%, на итальянском – 4% и на ретороманском – 1% (см. *Erk J. Swiss Federalism and Congruence // Nationalism and Ethnic Politics. – 2003. – V. 9, No. 2. – P. 56*).

есть регионы, в которых проживают этнические группы, и разделение власти по вертикали выражается в разграничении предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами федерации. Как отмечается в одном зарубежном исследовании, «все успешные федерации доказывают, что решающим фактором является практика деления полномочий на федеральном уровне, и есть доказательство из опыта неудавшихся федераций, когда разделение полномочий отсутствовало» [15, р. 17].

В Швейцарии получило институциональное закрепление представительство как интересов регионов в целом, так и интересов этнолингвистических групп в отдельности. В верхнюю палату парламента каждый кантон независимо от своей численности посылает одинаковое число депутатов (по 2 представителя посылает кантоны, по одному – полукантоны). Принятие любого предложения о поправке в Конституцию или ратификация международного договора, который влечет за собой потерю суверенитета или членство в наднациональной организации, требуют двойного большинства на референдуме: большинства голосов граждан-участников референдума и большинства голосов кантонов как субъектов федерации. И хотя оба института иногда подвергаются критике (см., например, [16, р. 47–65], они тем не менее обеспечивают конституционное равноправие кантонов, что составляет один из незыблемых принципов подлинного федерализма.

В Швейцарии признается также равноправие трех официальных языков – немецкого, французского и итальянского. Это выражается, например, в том, что все федеральные законы переводятся и публикуются на трех языках; все три языка считаются равными при толковании содержания закона; граждане могут писать или обсуждать вопросы с федеральными властями на своем родном языке (см. [17, р. 43]). Как отмечает Д. Маккей, «швейцарцы давно сознательно стремились сохранить этническую, лингвистическую и культурную идентичность кантонов. Конституционные положения и система весьма децентрализованной прямой демократии обеспечивают это» [18, р. 121].

Что касается непосредственного представительства этнолингвистических групп в государственном аппарате, то неписаный закон требует, чтобы, например, из семи федеральных советников, составляющих правительство Швейцарии, не менее двух были из франко- и италоговорящих регионов. Различные этнолингвистические группы более или менее пропорционально представлены во всех важнейших государственных органах страны, о чем свидетельствует табл. 1.

Швейцарии в силу ее исторических традиций и политической культуры удается уже в течение длительного времени сохранять равновесие и баланс интересов всех этнолингвистических групп. Нельзя не согласиться с тем, что «до сегодняшнего дня Швейцария, возможно, была самой успешной страной в примирении лингвистических и культурных различий в пределах одной и той же федерации» [19, р. 6].

Табл. 1

Представительство этнолингвистических групп в государственных органах Швейцарии (в %)

Представительство	Немецкая группа	Французская группа	Итальянская группа
Доля в населении (только граждане Швейцарии)	74.5	20.1	4.0
Федеральная администрация	76.5	15.4	5.2
Старший персонал	73.6	20.9	3.5
Высший управленческий слой	78.8	19.0	2.2
Состав комитетов экспертов	76.9	20.0	3.1
Председатели комитетов Национального Совета (нижней палаты парламента)	76	20.0	3.1

Источник: *Linder W.* Swiss Democracy: Power Solution to Conflict in Multicultural Societies. – N. Y.: St. Martin Press, 1994. – P. 23.

Другая разновидность многонациональной федерации – это федерация, где численно преобладает этническая группа, которая является государствообразующим народом, а другие группы реализуют право создать свою относительно автономную государственность в рамках федеративного государства. В данном случае стабильность и целостность федеративного государства зависит в первую очередь от культуры и, соответственно, поведения численно доминирующей этнической группы. При явном и огромном численном преобладании этническая группа значительно легче идет и на уступки национальным меньшинствам, поскольку при этом она уверена, что ничто не угрожает целостности и безопасности государства. «Федерация с доминирующей этнической общностью имеет некоторые преимущества: такое большинство обладает силой, чтобы оказать сопротивление сепаратизму. Однако оно может также почувствовать себя достаточно в безопасности, чтобы сделать уступки другим группам» [15, p. 16].

К полиэтничным федерациям с государствообразующим народом принадлежит Российская Федерация. Ее стабильность и благополучие в немалой степени определяется тем, что государствообразующий русский народ в целом лишен такого отвратительного качества, как этнофобия. Более того, нужно сказать, что именно благодаря этнической толерантности русского народа в стране создана обстановка, благоприятная для сохранения самобытности и поступательного движения всех этнических групп.

Конечно, не следует сводить жизнеспособность полиэтничной федерации только к одному указанному фактору, тем более что в мире есть немало этнофедераций без государствообразующего народа. В литературе выделялись такие

факторы прочности федераций, как самоуправление национальных сообществ, консосиативное управление в федеральном центре в духе теории консосиативной демократии А. Лейпхарта, демократический характер федерации, материальное процветание (см. [20, р. 20–25]). «Естественно, – как пишет Брендан О’Лири, – численность не может оказаться причиной: длительная стабильность демократических федераций может иметь и другие причины, возможно взаимно независимые причины в каждом конкретном случае...» [6, р. 287].

Добавим прежде всего, что численное большинство и государствообразующая роль народа – совсем не одно и то же, они отнюдь не обязательно совпадают. Указанная роль складывается исторически, когда создание государственного ядра, вокруг которого объединяются другие этнические группы и на основе которого формируется многонациональная федерация, является заслугой доминирующей этнической группы. Однако есть немало федераций с численно преобладающей этнической группой, которую нельзя назвать государствообразующей. В Швейцарии, например, численно преобладает этнолингвистическая группа, говорящая на немецком языке. Однако это не означает, что немецкая нация являлась или является в данной федерации государствообразующим народом. Для стабильности рассматриваемой разновидности федераций решающее значение имеет не численность сама по себе, а поведение обладающей большинством этнической группы по отношению к другим этническим группам общества. При этом важно отметить, что в федерациях с численным большинством одной этнической группы политические институты должны не иметь мажоритарный характер, а быть нацеленными на достижение компромисса и согласия. Нельзя не согласиться со швейцарским специалистом в области федерализма профессором Томасом Фляйнером, который писал: «Тирания большинства уничтожила бы разнообразие. Для самой мощной этнической группы простая мажоритарная система оказалась бы огромным искушением злоупотребить своим большинством и контролировать все государственные институты, для того чтобы дать привилегии этническому большинству и дискриминировать и эксплуатировать этнические меньшинства. Любой политический вопрос определялся бы этническими интересами... При мажоритарной системе, зависящей от этнических партий, этническое большинство стало бы постоянным победителем, а меньшинство было бы обречено стать постоянно проигрывающим. Таким образом, этнические группы никогда не признают систему, которая может на законных основаниях дискриминировать их до уровня граждан второго сорта» [21, р. 5].

Но вряд ли согласится с дискриминацией и большая этническая группа. Дело в том, что многие этнические группы, составляя национальные меньшинства в стране в целом, являются большинством в местах своего компактного проживания и занимают доминирующее положение, особенно если имеют при этом политическую автономию, в то время как представители этнической группы, составляющей в стране в целом большинство, оказываются в этих этнорегионах меньшинством, которое не всегда может чувствовать себя комфортно. Исследование ситуации в Республиках Татарстан, Саха (Якутия), Северная Осетия показало существование в этих республиках определенной дискриминации русских. Как считает известный американский исследователь рос-

сийских проблем Донна Бари, ссылаясь на результаты опроса общественного мнения, «большинство русских и многие татары, осетины и якуты считали, что национальность имеет важное значение для доступа к хорошей работе и для занятия высоких правительственных постов. Когда людей спросили, какие группы находятся в благоприятном положении, русские в своем подавляющем большинстве считали, что они имеют ограниченный доступ». Причем, как считает автор, доказательств преимуществ титульных наций в экономической сфере меньше, чем в политической. В этой последней сфере титульные нации получили непропорционально большое представительство в выборных и невыборных органах государственной власти (см. [22, p. 677, 679, 681, 688, 691]).

Совершенно очевидно, что если этнические меньшинства абсолютно правомерно резко реагируют против любого проявления дискриминации по отношению к ним, они и, главное, их политические элиты столь же решительно должны не допускать дискриминацию представителей других этнических групп в регионе своего компактного проживания. Здесь, как и в любом вопросе, неприемлема позиция двойных стандартов.

Summary

M.Kh. Farukshin. To the Problem of Types of Ethnofederation.

The article deals with the three types of ethnofederations, i. e. monoethnic, biethnic and polyethnic ones. The basic distinctive features of each type of federations are displayed. The author characterizes the in/stability of each ethnofederation type as well.

Key words: federation, federation subjects, ethnicity, ethnic identity, ethnofederation, monoethnic federation, biethnic federation, polyethnic federation, state-forming nation, ethnic minorities, ethnopolitical conflicts.

Литература

1. *Ален А.* Национализм – федерализм – демократия. Пример Бельгии. – Лёвен: Ин-т Центральной и Восточной Европы, 1994. – 59 с.
2. *Stanovcic V.* Searching for New Designs: Alternatives to Federalism (the Yugoslavian Experience): Paper presented at the XVII World Congress of the International Political Science Association, 17–21 August, 1997, Seoul, Korea.
3. *Smith G.* Mapping the Federal Condition: Ideology, Political Practice and Social Justice // *Graham S. (ed.) Federalism: The Multiethnic Challenge.* – London: Longman, 1995. – P. 1–28.
4. *Karklins R.* The Misunderstanding of Ethnicity // *Problems of Post-communism.* – 2001. – V. 48, No 3. – P. 37–44.
5. *Agnew J.* Postscript: Federalism in the Post-Cold War Era // *Graham S. (ed.) Federalism: The Multiethnic Challenge.* – London: Longman, 1995. – P. 294–302.
6. *O’Leary B.* An iron law of nationalism and federation? A (neo-Dicean) theory of necessity of a federal Staatsvolk, and of consociational rescue // *Nations and Nationalism.* – 2001. – V. 7, No 3. – P. 273–296.
7. *Murphy A.* Belgium’s Regional Divergence: Along the Road to Federalism // *Graham S. (ed.) Federalism: The Multiethnic Challenge.* – London: Longman, 1995. – P. 91–93.

8. *Pelletier R.* Managing Diversity in Multi-ethnic Federations: The Case of Canada: Paper presented at the XVII World Congress of the International Political Science Association, 17–21 August, 1997, Seoul, Korea. – P. 4–6.
9. *Williams C.* A Requiem for Canada? // Graham S. (ed.) *Federalism: The Multiethnic Challenge.* – London: Longman, 1995.
10. *Lecours A.* Moreno's Multiple Ethnoterritorial Concurrence Model: A Reformulation // *Regional and Federal Studies.* – 2004. – V. 14, No. 1. – P. 66–88.
11. *Burgess M.* *Comparative Federalism: Theory and practice.* – L.: Routledge, 2006. – 372 p.
12. *Swenden W.* *Belgian Federalism. Basic Institutional Features and Potential as a Model for the European Union.* – L.: Chatham House, 2003. – 22 p.
13. Конституция Бельгии // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1. – М.: НОРМА, 2001.
14. *Swenden W.* Asymmetric Federalism and Coalition-Making in Belgium // *Publius: The Journal of Federalism.* – 2002. – V. 32, No 3. – P. 67–88.
15. *McGarry J.* Can federalism help to manage ethnic and national diversity? // *Federations.* – 2005. – V. 5, No A-1. – P. 15–17.
16. *Papadopoulos Y.* Connecting Minorities to the Swiss Federal System: A Frozen Conception of Representation and the Problem of “Requisite Variety” // *Publius: The Journal of Federalism.* – 2002. – V. 32, No 3. – P. 47–66.
17. *Fleiner Th.* *Switzerland: Constitution of the Federal State and the Cantons // Federalism and Multiethnic States: The Case of Switzerland.* – Fribourg, 1996.
18. *McKay D.* *Designing Europe: Comparative Lessons from the Federal Experience.* – Oxford: Univ. Press, 2001. – 178 p.
19. *Resnick Ph.* What Theorist of Nationalism have to Learn from Multinational and Multilingual States: Paper presented at 20th World Congress of the International Political Science Association, Fukuoka, Japan, 2006.
20. *McGarry J., O'Leary B.* Federalism as a Method of Ethnic Conflict Regulation [Электронный ресурс]. – 2004. – P. 1–30. – Режим доступа: <http://www.forumfed.org/libdocs/Misc/0401-int-McGarry-O'Leary.pdf>, свободный.
21. *Fleiner Th.* Federalism and Multi-ethnicity: Paper for presentation at the XVII World Congress of the International Political Science Association, August 17–21, 1997, Seoul, Korea.
22. *Bahry D.* Ethnicity and Equality in Post-communist Economic Transition: Evidence from Russia's Republics // *Europe-Asia Studies.* – 2002. – V. 54, No 5. – P. 673–699.

Поступила в редакцию
31.01.08

Фарукшин Мидхат Хабибович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Казанского государственного университета.
E-mail: Midkhat.Farukshin@ksu.ru